

Андрей Белый

Африканский дневник

Андрей Белый
Африканский дневник

«Public Domain»

1922

Белый А.

Африканский дневник / А. Белый — «Public Domain», 1922

«Цель этой книги дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента, которого жизнь я подслушивал из всего двух-трех пунктов; и, как мне кажется, – все же подслушал я кое-что. Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связуют нас с Африкой. Будучи в 1911 году с женою в Тунисии и Египте, все время мы посвящали уразумению картин, встававших перед нами; и, собственно говоря, эта книга не может быть названа «Путевыми заметками». Это – скорее «Африканский дневник». Вместе с тем эта книга естественно связана с другой моей книгою, изданной в России под названием «Офейра» и изданной в Берлине под названием «Путевые заметки». И тем не менее эта книга самостоятельна: тему «Африка» берет она шире, нежели «Путевые заметки». Как таковую самостоятельную книгу я предлагаю ее вниманию читателя...»

Содержание

Вместо предисловия	6
Культура Тунисии	7
Дорога в Кайруан	12
Перед Кайруанской стеной	15
Сговоры	17
Кайруан	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Белый Африканский дневник

«Африканский дневник» писался как вторая часть «Путевых заметок» (первая и наименее удачная часть вышла под заглавием «Офейра» в «Книгоиздательстве писателей» в Москве в 1922 году и под заглавием «Путевые заметки» в издательстве «Геликон» в Берлине); банкротство книгоиздательства «Геликон», его закрытие, застало в наборе вторую часть «Путевых заметок». Гранки автор взял себе.

Эту часть автор считает за ненапечатанную и очень удачную свою книгу.

Но ему надоело ждать, когда предпримется новое издание 2-х томов. И он, желая сохранить рукопись-уникум, предпочитает отдать в архив, чем подвергать случайностям хранения у себя.

Здесь 120 гранок.

Андрей Белый

Вместо предисловия

Цель этой книги дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента, которого жизнь я подслушивал из всего двух-трех пунктов; и, как мне кажется, – все же подслушал я кое-что. Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связуют нас с Африкой. Будучи в 1911 году с женою в Тунисии и Египте, все время мы посвящали уразумению картин, встававших перед нами; и, собственно говоря, эта книга не может быть названа «Путевыми заметками». Это – скорее «Африканский дневник». Вместе с тем эта книга естественно связана с другой моей книгой, изданной в России под названием «Офейра» и изданной в Берлине под названием «Путевые заметки». И тем не менее эта книга самостоятельна: тему «Африка» берет она шире, нежели «Путевые заметки». Как таковую самостоятельную книгу я предлагаю ее вниманию читателя.

Андрей Белый

Культура Тунисии

Тысячу лет развивается культ Магомета в Тунисии; берберы тесно вплелись в мусульманство; читайте историка их, Ибн-Каль-дуна¹, увидите, как отраженно влияла Берберия на самую судьбу арабства; самая Мавритания вскормлена соками их благородной крови²; что вспоило Альгамбру, чем ныне пленяется взор в Альказаре, то создано ритмами берберской жизни, взволнованным голосом Августиновых дум; и потом расхлывшимися в мысленных ритмах Аверроэсовой мудрости; без существенных импульсов малефитского толка суннизма беднее бы мы мыслили жизнь магометовых культов; не только Багдад простирает свой блеск на Египет и Сирию; свет из Берберии строит культуру Египта, и создает Ель-Кахеру (Каир); Кайруан – основательней, строже, древнее Каира.

Немедленно после смерти пророка – проходят: наследник его Абубекр; и – Омар, но Али, близкий кровью пророку, волнует сердца правоверных; и открывается при Омейидах солдатами; скоро солдаты Али объявляют себя правоверными; и вдохновляют мечом кореджитскую ересь; признававши трех первых калифов, они отрицают наследственный имамат, выбирая имамов.

И тотчас вплетается голос Берберии в судьбы арабской культуры. Приняв мусульманство, тунисские берберы быстро его преломляют; вся почва Берберии дышит своим славным прошлым; и древние римские культы, и культ христианства, и ереси (Мани, Доната), и гнозис недавнего прошлого – все обращает культуру арабов в Берберии порохом, разрывающим ересями культуру арабов; Берберия борется с правоверными знаменами кайруанских суннитов; опора она кореджитству; сунниты вступают с Берберией в ярые при.

Правоверный наследник Омара, Отман сочетает священные тексты Корана с преданием; сборник преданий есть Сунны; он, собственно, хартия вольностей для четырех мусульманских обрядов; четыре различные в частностях церкви начало берут из него: для Западной Африки, для Багдада, для Индии; в Иемени, в Египте господствует толк – мафеитский; для турок слагается толк – ганефитский; для Индии – ганебалитский; а в Северо-Западной Африке толк малефитский³, четыре различные толки слагают костяк правоверной религии; в Суннах им всем место есть.

Полководец Сиди-Окба, основатель старинного Кайруана, оттуда развеял священное знамя суннизма; Тунис возмущен, к середине восьмого столетия дружно войска⁴ кореджитов идут из Туниса на им ненавистный суннизм.

И пылая священнейшим гневом на это воскликнул калиф из Багдада:

– «Клянуся я Богом, пошлю на них войско, которого хвост еще будет при мне, как глава его будет вторгаться в их страны».

И тысячи жизней скосила война; но все тщетно; Берберия долго кипит ересями; многообразные трибы – Луата, Хуара, Айрига, Нефуса, Нефзайа, Айбера, Кетама, Санхаджа, Гомара, Хескура, Бени-Фатем и другие, волнуясь⁵, порождают пророков, прославленных иересиархов, меджи и провидцев; приходят тяжелые дни: Кайруан перед тем лишь возникший, взят войском мятежников: – «Только что правоверные утвердились в Берберии, как Кайруан должен был быть разрушен не раз, но не должен был он уничтожаться вовсе; провидение Божье хранило его; и большая мечеть – удивление миру, была уж построена... Окба был отозван... Тогда

---

¹ *Ibn Khaldoun*. Histoire des Berberes, trad. de Slane, 1852-56.

² *El-Edrisi*. Description de L'Afrique et d'Espagne.

³ *Mercier*. Histoire de L'Afrique septentrionale.

⁴ В 740-м году.

⁵ Ель-Бекри.

поднялись обитатели этой страны, возглавляемые предводителем берберской трибы Аубера... Арабский правитель разбил и преследовал их... Возвратился Окба... И опять возродил Кайруан»⁶.

Кайруан в это время – единственный центр правоверия; лишь в плоскогорьях Марокко ответные отклики слышит суннизм. Все же прочие местности гложутся ересью; вот как гласит Ибн-Кальдун⁷; «Салех говорил, что он будто Медхи, долженствующий встать перед нами в конце мировой эпопеи; воистину: он утверждал – по арабски звучит его имя «святой», по сирийски... «король», по персидски «мудрец», по еврейски «владыко», по берберски... «тот, который отменил пророков».

Процарствовав сорок семь лет, он ушел на восток, завещав свою проповедь новой религии сыну; и обещая вернуться во время правления седьмого пророка из рода его... Так гласит Ибн-Кальдун о каком-то пророке.

Когда же возникло течение суфизма, оно разлилось, залетев из Египта сюда; и суфизм – это орденство, подобное францисканству искание бедности, подвиг, аскеза характеризует суфизм; суфи – мудрый (*sophos*), или имеющий опыт, «умеющий жить»; отзвук йоги проходит в суфизме; жизнь суфи полна испытаний; проходит ступень за ступенью он; шейх, например, плюет суфи, ведомому к посвящению, в рот, чтобы выдержал испытание⁸.

Суфизм процветает в Берберии; и ряды орденов здесь гнездятся, как например, орден Кадрия; Абд-ель Кадер – основатель его; говорит о нем мудрый историк: «Да, если бы Бог не избрал нам Сидна Магомета... чтобы кладезем сделать пророков его, он избрал бы для смертных Сиди Абд-ель Кадера, из всех людей умом, добродетелью, милостью ближе всего он к Аиссе⁹, которого он по-особенному почитал». Вот выдержка, нам гласящая о другом громком ордене: шейх Сенусси гласит о стадиях восхождения в экстаз:

«А шестая ступень есть экстаз... восхищаются десятитысячи светлых светочей... Наконец, в седьмой степени... поднимаются к десятитысячию тайных светов, последних... Иные из шейхов приводят такую таблицу для объяснения»¹⁰.

Характерна таблица: ее привожу я сполна; показывает она напряжение мистико-схоластической мысли арабской Берберии.

Таблица жила для того, кто шел жизнью пути, или творчеством жизни в себе.

В 800-м году Ибрагим-бен-Аглеб, завладев страной, из твердынь Кайруана отдал всю Тунисию в руки калифа Гарун-аль-Рашида; в стране водворилась династия бен-Аглеба; и вот аглебиты сломали ветвистое дерево, дымящейся ереси; и кореджитство сломалось, чтоб вскоре дать место другой, еще более опасной напасти; шиитству, в котором погрязла доселе мятежная Персия; первых имамов (трех первых: наследники Абубекра, Омара, Отмана) признали сполна кореджиты; но их отрицали шииты; лишенный калифства, Али был законным имамом для них; возникает опасная линия: тайного имамата; потом пресекается; но шииты в нее все же верят; Абу-Абд-Аллах, эмиссар их, опять возглавляет рассеянный толк бунтарей, проповедуя царство Медхи¹¹. По его научению берберы в Африку тайно зовут проживавшего где-то имама шиитов; Обеид-Аллах, тайный имам, появляется в вольных пространствах Тунисии; берберы, мстя арабам за то, что последние некогда их растоптали, приемлют опаснейший лозунг шиитства, сливая с ним лозунг освобождения от арабов и лозунги собственной независимости; арабы вновь гонятся прочь; вновь борьба закипает.

---

⁶ En-Noweizi (apud Ibn Khaldoun, t. I, p. 340)

⁷ «История берберов» (*фр. пер.*).

⁸ *Schmölders*: Essai sur les doctrine philosophique chez les arabes.

⁹ Христос.

¹⁰ По *Piquet*. Les civilisations de L'Afrique Nord.

¹¹ Медхи должен появиться в конце мира.

Династия царственных аглебитов низвергнута; изображение Обеид-Аллаха, имама, тогда появляется вдруг в кайруанских стенах; ожидается царство Медхи; со стотысячной армией грозный имам гонит прочь аглебитов; в восстании принимает участие триба Санхаджи; то все происходит в десятом столетии¹².

Так получает престол в Кайруане шиит Обеид-Аллах, вскоре потом задушивший Абу-Абд-Аллаха, которому был он обязан победе; он вскоре покинул столицу, в которой гнезился суннизм, основал город Медхиа, быстро расширив владения.

Династия Феца склонилась перед властью его; от него истекает династия фатимидов; и берберский ренессанс начинается; сын Аллаха, по прозвищу «Божьяго права опора» повсюду является под защищающим зонтиком, напоминающим видом приподнятый щит на копье; этот зонтик – эмблема династии; бьется преемник имама с Сардинией, Корсикой, Генуей; и получает удар из Египта; ему наследовал сын Эль-Мансур; за ним следует знаменитейший Ёль-Моэцеддин-Аллах, покоритель Египта, туда перенесший свой трон.

В это время Тунисия вновь потрясается; вновь кореджиты восстали, – уже против гордых шиитов – правителей под предводительством Абу-Иезида, хромого пророка; сто тысяч берберов, вставших под знамя его, разнесли Кайруан, взяли Сузы; шиитские трибы из Константины, Санхаджи, Магреба боролись с восставшими; и Ель-Мансур подавил эту вспышку.

Десятый век в войнах.

В то время над всею страной стоит Кайруан; он насчитывает сорок восемь роскошнейших бань, строй мечетей, базаров; в нем главная улица тянется две с лишним мили; до тысячи крупных быков убивают по праздникам в день для обильных пиров¹³.

Восьмивратные Сузы – морской арсенал всей Тунисии; там на месте Акрополя финикийских купцов по словам Обеид-ель-Бекра возвышается гордая Касба¹⁴; и ткани готовятся здесь; разбиваются плантации вкусных оливок; в Габесе стоят корабли из всех стран; там готовят шелка; там разводят тростник и бананы; вся область Гафсы богатеет; в ней множество жителей; в многих оазисах видим культуру фисташек; в джеридских оазисах рдеют шары апельсинов; повсюду проводят каналы; в пространствах бывлой Зегитании сеют пшеницу, разводят миндаль, и лимоны, и фиги; цветет благоденствием край после войн по словам Ель-Бекра¹⁵.

Но одиннадцатое столетие возвышает Тунис; Кайруан – умалается.

С водворением в Египте династии фатимидов шиитство угасло в Берберии; но не ослабло влияние берберов; триба Санхаджи, борясь с фатимидами, ныне сидит в Кайруане; хотя санхаджийские берберы и исповедуют Сунны, они к христианству терпимы; Тунисия мирно кишит христианскими лавками; сеть христианских епархий покрыла ее; принимает посольство от берберов в Риме Григорий Седьмой; но Санхаджи – теснят; и теснят фатимиды – с востока; норманны Сицилии – с севера.

С 11-го до 16-го столетия независимы тунисийские берберы; трудно живется им; в веке 12-ом давит Рожер Сицилийский от севера их; им приходится много считаться с династией альморавидов, простерших от запада Африки власть над Испанией; но в Магребе восходит звездой Медхи от высокого Атласа; имя ему Ибн-Тумер; он рождается в горах; научается многим наукам в Кордове; уходит потом на восток; приобщается тайнам суфизма; астрологи Атласа предрекают уже: поднимается с запада новая власть; Ибн-Тумер, углубленный в высокую мистику и окруженный толпой почитателей, как просветитель, – восходит; он учит студентов в ученейшем Тлемсене; и просвещает науками юного Абд-ель-Мумена; потом обличает в Марокко калифа в губительной ереси; изгнанный, учит в горах он суфизму; альморавиды

---

¹² *Commandant Kannezo. Madhia. Notes historiques. Revue tunisienne 1907; Bibliographie des questions religieuses. Ch. IV.*

¹³ *C. Loth. Histoire de la Tunisie.*

¹⁴ Крепость.

¹⁵ *Victor Piquet. Les civilisation de L'Afrique du Nord.*

Марокко тревожатся; новый Медхи – Ибн-Тумер, объявляет, что он возведен Магометом; и он – собирает войска; подчиняет Магриб, осаждаёт Марокко, берет его приступом.

Так возникает в Марокко священная власть альмохадов; былой ученик Ибн-Тумера, почтительный Абд-ель-Мумен, – выбирается; первый калиф альмохадской династии – он; покоряет Берберию он, проявивши себя полководцем и тонким политиком; он украшает Марокко, прославленный зданием Бадиа, о котором гласит его видевший Лев Африканский, что это система дворцов и торжественных храмов, стоящих в огромнейшей крепости, равной пространством городу; еще в XVI веке Бадиа была целой и невредимой.

Конечно, туниисские берберы скоро восстали на новую власть, как они восставали на каждую власть; независимость – их основная черта; как они помогли возвышению Медхи, Ибн-Тумеру; так после они помогали разбитым наследникам альморавидской династии.

В веке XIII Абд-ель Уад водворяется в Тлемсене; он ослабляет из Тлемсена власть альмохадов в Марокко; центр жизни – в борьбе между Тлемсеном, Фецом, Марокко; пульсация жизни теперь оттянулась к западу; все же Тунисия в ней принимает участие; в то же время Гафсиды надолго себя укрепили в Тунисе; Абу Зекерия становится ныне эмиром в Тунисе; он ширит владения свои через Алжир до Танжера; испанцы Валенсии шлют ему дань; прославляют поэты его; Гогенштауфен, Фридрих Второй, заключает торговую сделку с эмиром Туниса; в его управление край благоденствует; библиотека заключает в Тунисе не менее 36 000 томов, а в правление сына его ворвались крестоносцы; Людовик Святой выгружает отборную рать в Карфегене; но он умирает; позднее легенда его наделяет чертами святого, в те дни обитавшего здесь; той легенды не знает почтенный историк Кальдун; «Король франков, гласит он, поставил условием мира – принятие христианства; ударил его Божий перст, он погиб от чумы». В это время Тунис процветает; «Король чернокожих... сюда посылает жирафов... Кастильский король шлет посольство сюда... Двор наполнен учеными; множество андалузийцев здесь вертится; и среди них есть... поэты, писатели, принцы... воители... Вся процветает страна»... Так гласит Ибн-Кальдун. Династия гафсидов здесь держится прочно до турок.

В шестнадцатом веке являются турки; Карл Пятый, Испанский, шлет флот на подмогу Тунису; но турки на время уйдя в Кайруан, появляются вновь под Тунисом; испанцы бегут.

И доныне в Тунисе повсюду возвышены стройки испанцев (мосты, например); мост, где мы отдыхаем, гуляя, – испанский.

В Алжире теперь бейлербей управляет всей Северной Африкой: именем турок; но всюду паша узурпирует власть; так в Тунисе начальник совета, дей («дядя») вершит все дела; вскоре бей, полководец начальника дея, берет круто власть; и становится он номинальным лишь данником турок; в Тунисию турки внесли фанатизм, изуверство; турецкие данники Триполи, Феца, Алжира, Туниса воюют друг с другом; семнадцатый век протекает в войне.

В XVIII веке правительство бея Гуссейна завязывает отношения с Францией. Нежный Гуссейн есть мечтатель; он «плачет в садах Кайруана, вздыхает над памятниками опустевших дворцов» – этот Людвиг-Баварский Тунисии¹⁶ делает серии опытов, окружаясь толпою алхимиков, мудрецов и ученых.

Наследник Гуссейна, Али, меломан и эстет, отличается страшным обжорством; не думает он о Тунисии, а лишь о том, как ему переплести ту, или эту любимую рукопись; их собирает он.

Быстро финансы страны истощили потомки Гуссейна; громадные подати ими наложены; жизнь дорожает; страна – голодает. И вот появились французы, сначала вмешавшись в контроль, а потом превратили контроль над страной во власть над страной.

История старой Тунисии долго меня занимала в Радесе. Вставал Кайруан, центр суннизма, сразивший двух гидр: кореджитство, шиитство; шииты не любят его; овладев его храмами, быстро его покидают, возвысив в Египте Каир (Ель-Кахеру), основанный ими. Недаром

---

¹⁶ *Mohamed Joussef. Soihante and d'histoire de Tunisie (фр. пер.).*

так любят священные стены старинного града все суфи, все дервиши, все марабу; и не даром доньше прославлена школа высокого дервишизма – здесь именно; именно здесь образуются все Ассауи; кто был в Кайруане, тот может не быть даже в Мекке.

Запал Кайруан; мы давно собирались туда; наконец и мы тронулись.

Я рад, что там был.

Каир 911 года

Дорога в Кайруан

Свежело; туманилось; в раннее утро воскликнул петух; и – был ветер; озябли мы; поезд прошел на Тунис; показались вагоны вдали кайруанского поезда.

Вот и поехали.

Быстро рванулись с места С. Виктор, Гаммам-Лиф; прососались ущельем меж гор Джабель-Ресса и дикой Двурогой; кружились деревни; и – сыпался в окнах миндаль розоватыми стаями; в скважину почвы на миг прорвалось голубое пятно Средиземного моря, и, выскочив, высилась крытая лесом гора, где три года сражался у входа в залив Сципион Африканский; десяток бурнусов провеял с унылой платформы, крутимый ветрами; соломою крытые крыши приниженных гурби¹⁷ деревни Громбалия, где провели с Асей день – потянулись, прошли, отошли; гребенчатая почва изгладилась в плоские холмики; свеялся весь живописный ландшафт; облетели кругом миндали; провалились в маслины мечети пузатые купола; быстро-быстро разъялись маслины в отдельные кучки деревьев, прижатых друг к другу: равнины, равнины...

По ним пробежали фаланги извившихся, низко склоненных стеблей; из-под них дружно вырвались космы дичающей спаржи, прогнав тростники; и бессильно иссякнув – в сплошном малотравии; вдруг просияли повсюду песчаные лысины.

На запустениях издали прополосатились пятна палаток, да стадо верблюдов, похожих на страусов, замерло издали в мертвом покое; у рельс протрепался лепечущий кармин платка; бедуйка глядела на поезд; и – станция; желтенький домик среди степи, да два-три бурнуса, летающих в ветре, крепчающем в бурю.

Редели и станции; жизнь побережий развеялась; травы, культура деревьев – все только каемка: у берега моря; врезаются в роскошь плантаций с разгону широкая степь; сквозь нее пробегают с разгону летучим песком аванпосты Сахары.

Из желтых песчаников нам пробелели под Сузой деревни; и – станция; Калаа-Спира; пересадка.

Вот издали – поезд; к товарным платформам прицеплены два-три вагончика; жалко стучали колесами; медленно поезд тащился по желтой равнине – в крепчающей буре, в неведомой стае вижжащих, хохочущих ветряных джинов; будь мы на сутки пути поужней, мы б попали наверно в Самум, потому что пески здесь – залетны; твердеют кругом солонцы; это все же спаленная степь, – не пустыня; а танцы песочных столбов – только пена, летящая прямо на нас из Сахары; будь почва песчаная, все б здесь взметнулось, темня белый день... Что за звуки? То – взвой невидимых тысяч гиен, заглушающих стук поезда; этих звуков не слышали мы – никогда. С Асей мы наклонились к стеклу; что могли мы увидеть теперь? Застрелявшие массы песка забурили окрестности; желтые мути вижжавших пространств проносились; и я начинал понимать, что – то песни песков, о которых так много читал, о которых поведали те, кто бывали в Сахаре.

В Сахаре песок издает мелодичные речи; то воет, то что-то твердит непонятно и жалобно, – там, где есть дюны; в Сахаре есть горы из кварцевых, или известковых песков в 200 метров от уровня почвы; и – выше; дохнет ветерок – дюна вдруг загрузит, извлекутся нежнейшие отзвуки; как ветер окрепнет, она – закуритя; иные тревожные тоны взовьются; песок побежит – («sable vif»): так его называют французы. Вот как путешественник наш Елисеев, бывший на юге Тунисии, в Триполи, в даях Туата, в оазе Уаргла¹⁸ и в песках рокового Ерга повествует о песне песков¹⁹.

---

¹⁷ Хижин.

¹⁸ Северная часть Сахары.

– «Но вот в раскаленном и неподвижном воздухе послышались и затрепетали какие-то чарующие звуки»... «Слышишь, как запели пески», произнес, словно просыпаясь из... полузабытья Ибн-Салах – «то пески пустыни, не к добру эти песни. Песок Ерга поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть...» Особые звуки песка извлекаются там, где два слоя: один отвердевший, и верхний – сыпучий, бегущий, летающий, металлический шум; порой – визги и вой.

Есть в пустыне другая мелодия; крики камней, когда скалы в жаре дают трещины; трески – так нам говорит Елисеев – теперь «объясняют легенду... обитателей пустыни, которая говорит, что сердце их родины заставляет кричать самые камни и пески»²⁰.

Так гора близ Синая поет металлическим голосом; так по Пржевальскому скалы монгольской пустыни поют; так бормочущий Газ-ель-Ханван аравийской пустыни возносит молитвы под небо; и так говорил с Озирисом Мемносский Колосс. И Реклю отмечает поющие дюны Игиди; поющие дюны Ерга описал Елисеев.

Мы смотрим в окошко, стараясь увидеть сквозь бурные мути – окрестность; и воет окрестность, танцует; и – бурные мути: в окно дребежат, разорвутся; и – рвутся, и – рвутся, и – рвутся; и – все улетели; и – ясны пространства сожженной степи (солонцов – меньше здесь; оттого и пески упрясаки куда-то, крутятся горизонтами).

В этой равнине есть что-то от русской равнины; такие же овраги ползут; я не знаю строения почвы; может быть, тот же лес; те же метелки из пляшущих трав; остановка; чу – звоны бубенчиков (как и в России): сквозь ветер; такие же пески напозаюют с востока в пространствах лихих оренбургских, самарских степях; и – такие же верблюды; нет – те все – двугорбые.

О – что за ветер! Я вижу, что поезд на станции еле заметно сдвигается с места; то – вижу по буквам за рамой исчезнувшей надписи станции; «Э, посмотри же, ветер нас немедленно двигает, слышу я голос француза; мы – едем; пытаюсь открыть дверь вагона наружу, и громкие ярости бурными струями бросились в дверь; дверь – рванулась, чуть-чуть что не вырвав меня из вагона; мы боремся дружно с распахнутой дверью, пытаюсь захлопнуть ее; наконец – удастся.

Тускнеет, дымеет, вижжит и хохочет; и нет ничего, кроме хаоса желтых, кричащих, летящих песков за окном; прорвалось что-то; пятна мелькающих проясней; в них – пылевые столбы, сплошной проясень – снова; во мгле – горизонт.

А французик, военный, зуав, в яркочерных штанах, очевидно душой полюбивший все здешнее, весело стал вспоминать о недавних годах:

– «А вот прежде здесь не было вовсе железной дороги; мы ехали в дилижансе, а около Кайруана есть спуск, так поверите-ль? Мы, отвязав лошадей, так-таки и катились под кручу».

– «А как пассажиры?»

– «Ну что ж? Коли падали на бок, ломались ноги; все было естественней, веселей, чем теперь, хоть... опасней»...

– «Теперь что-то слишком уж много комфорту».

Опять пересадка.

* * *

И вот.

Из песков – намечается: мертвенно желтым песком Кайруан; и вся даль – изошла минаретами; точно песчаную кистью прошлись по буреющей мути; и мути полосатятся, перпендикулярно к равнине, являя глазами аберрацию: плоскости башен; под ними стена не видна; только носятся бурые клубы, как волны; на них овоздушенно виснет из воздуха – марево.

---

¹⁹ Елисеев А. В стране туарегов; По белу свету.

²⁰ Елисеев А. В стране туарегов.

Каир 911 года

Перед Кайруанской стеной

Остановка: мы лезем в отверстие двери, а бурая буря нас нагло толкает обратно в вагончик; мы – вылезли (плащ на жене завивается вверх), все схватились за шапки.

Пески, солонцы...

Недалеко от станции – строечка маленьких домиков; и уж от них отступая, затвердели желтеющие стены зубцами, как в нашем Кремле, защищая со всех четырех сторон света кипящий народами город от серых пригорков и рытвинок солончаковой равнины, – и злой и сухой; в эти бурые дали – к Сахаре, и – далее (через Сахару) бросает столетия нити верблюдов своих Кайруан – в Тимбукту; и тяжелые ящики красных товаров отсюда расходятся там, за Сахарой, по грязным поселкам, лежащим на Нигере.

Вздернулся морок облуплин зубчатой стены, за которой ломаются сухо гортанные говоры, точно солома, да скрипы колес; Кайруан, точно Кремль, небросший домами. Где пригород? В массе, которой затянута нога, туда уходящие прямо до щиколков – в массе песку, среди которого мы, пробираясь к отелю, завязли, который уже заедает глаза и играет извилами струй с перевивами складок – в буреющей, веющей массе щитами зубчатой стены; заслонились мечи минаретов и башен (квадратных), как будто мечи чалмоносных гигантов, грозящих Сахаре отсюда, – отставленных друг от друга роями тюрбанов, принадлежащих гигантам; роями продольно-изрезанных, гладких совсем, желтоватых, яичного цвета и белых, и малых, и очень больших куполов, отовсюду пропертых; и – кажется: вот размахнутся мечи, подлетят в небеса локти рук, распадется стена на ряд плоских квадратных щитов, приподы.²¹

И – вздрогнет Европа: и новый медхи опрокинется бурей бурнусов... в Испанию...

Но это – прошлое; весь Кайруан – грезит прошлым, то было когда-то...

Топорщится крупная башня широко желтеющим кубом; оскалилась краем зубчатой стены; в бурой буре маячит; бледнеющим прожелтнем, – старым и злым; и чернеет разъятою пастью ворот, под которыми бледно змеится живая дорожка неярких бурнусов сквозь клубы взвихряемой пыли, влетающей в город отверстием стен из Сахары, в пути, может быть, позапылавшей негрский, спешащий сюда караван.

На желтеющем башенном кубе рождается в небе песков – удлинение башенки; с башни, опять-таки, в небо песков поднимается новая башенка, быстро кончаясь остреющей пирамидочкой крыши; то – все минарет; он трехъярусен: принадлежит он, должно быть, мечети, которой второй минарет (однойрусный) просто длинится под бурое облако пыли, кончаясь беззубой и плоской крышенкою с черною точкою окна, над которой привстал кубик малого домика с точкой окна; из окна ввечеру голосит тонкогорлый мулла над квадратами желтых и белых домов; между двух минаретов надулся простой полукруг; это – купол.

Из пляски приподнятой пыли сваялся мираж этих стен, – потому что нам, быстро спешащим к той кучечке европейских домов (где отэльчик, казарма, что-то еще) – нам мерещится, что и нет ничего, кроме маленькой кучки домишек в покатосях почвы; а стены есть морок, возникший в глазах на разводах летящей пыли, упавший, как занавес; гомон далекий и скрипы повозок за желтой стеной, причитанье пустыни, – все это, как есть ничего; завелось оно так себе, – в воздухе; нам говорили, что здесь загуляли миражи; и вот: Кайруаж, о котором так много читал я в Радесе, – возникший мираж вереницы столетий в моем утомленном от чтения взоре.

Смотрю: вокруг стен – ни домов, ни базаров, ни малой оливки, мирящееся с жаром; лишь стены: за ними гортанным гремением выскочил город; дох на него жаркий ветер – рассеется.

²¹ Фраза прервана. Обрыв текста (примеч. публикатора).

Кайруан 911 года

Сговоры

Малюсенький, бедный отэль; отвели нам убогую комнату; уж вечерело; мы долго себя освежали водой, отмывались от всюду попавшего слоя песка; в этой мебели, в этих предметах, в олеографиях, изображающих мавров, – печать захолустья; мне вспомнился город Ефремов; французский Ефремов возник среди кучки домов, отстоящих от города и называемых важно «французским кварталом»; туристов почти не приехало с нами; приехали два англичанина, несколько служащих здесь офицеров-зуавов, чета постаревших туристов; как видно она – из Америки: муж и жена.

Проходя сюда в комнату, я сговорился уже с очень бойким арабом, с цветком за ушами, по прозвищу «Мужество»; он будет нас провожать здесь повсюду; меня он уже подбивал: углубиться в Гафсу, там нанять трех верблюдов, палатку; и с ним унырнуть вглубь пустыни, слегка зачерпнувши Сахару; проект этот очень пленяет меня.

Посмотрел я в окошко: как зло, как желто!.. Ветер – стих; все пески опустились; и яркое, яркое небо – синее; и – солнце бросает лучи; но какая ужасная сушь.

Три уж года, как не было ливней здесь (так говорил мне «garçon» из отэля); а были лишь дожди; капнет, покапает, не прибывая летающей пыли; и – снова бездожде многих недель варит почвы; сирокко пожарил здесь все; нет накосов травы.

В довершение бедствий уселась саранча в прошлом году, обглодала все листики персиков, здесь разводимых за городом: прямо в песках; три уж года верблюды жуют здесь сухую щетину колючек; малиновым жаром лишь взвивается яркий закат над семьей куполов; Кайруан славен дымом миражей и яркостью красных закатов; он славен коврами, мечетями, кожами, славен еще боевыми верблюдами он; и – строжайшею школою дервишей.

С нашим арабом по прозвищу «Мужество» мы побродили под старой стеной городской, созерцая два малых отеля, чуть сносных, муниципалитет и казармы, и не рискнув провалиться в жерло растворенных ворот, за которыми гвалт двадцати с лишним тысяч арабов, суданцев, завешанных густо литамом, галдящих по улочкам шатунов-туарегов, где всех европейцев, живущих за городом – двести едва человек; и из них – сто зуавов.

– «Как жалко: приехали вы слишком поздно, в субботу, – не в пятницу; раньше бы днем, – и увидели бы вы пляску дервишей в самой большой из мечетей; туристы сюда приезжают для этого в пятницу; или – в четверг».

Так докладывал мне проводник, наклонивши оливковый нос; и роняла ему на лицо розоватая ветка цветы миндаля; эту ветку заткнул он за ухо (громадный букет миндаля увезли мы с собою в Радес через несколько дней); мы стояли у входа в гостиницу, точно условясь: с утра забродить по базарам.

– «Да, жалко, уже не увидите пляски; а – впрочем, когда подберется компания, можно собрать сумму денег; и дервиши за хорошую плату – не прочь повторить свою пляску: ну – завтра»...

И «Мужество» вновь опустило оливковый нос.

– «Можно ли видеть теперь настоящего дервиша?»

– «Фокусника где угодно вы встретите завтра; их много блуждает у нас на базаре... А дервиша, – нет, вы не встретите».

– «Так-таки встретить нельзя?»

– «Нет, постойте: быть может, за эти два дня разыщу одного; погодите, мосье, надо быть терпеливым... Тут ходит один; я побегаю ночью сегодня по разным кафе, кое с кем потолкую; и, может быть, мы нападём на след дервиша; надо застигнуть его, где-нибудь невзначай; и потом упробовать показать своих змей; представления он не дает; но порой соглашается он из любезности... впрочем, за плату».

– «О, этот-то подлинный, будьте уверены»...
Так говорили мы с «Мужеством»...

* * *

Вечером после обеда мы с Асею подошли уже к темнеющим окнам; полнеба блистало коричневым отсветом сумерок, и угасало зеленой, отчетливо стеклянеющей высью; и пурпур густой, бархатеющий – ярко раскинул огромные крылья огней, – состоящих из многого множества перистых тучек, чернеющих пурпурных, красных и розовых; воздух еще там пылал; и врезался туда четкий холм черным контуром; черная кралась фигурка по линии черного контура в яростной красени неба; и черная лопасть одежды за ней билась в ветре, легко проносящемся; толпы больших минаретов слагали отчетливый строй, розовеющий в вечере нежными колоритами фламинговых крылий.

Кайруан

Облупленный, жженный стоит Кайруан, – не как белый надменный Тунис, молодеющий, напоминающий бледного мавра в роскошном тюрбане; он «ветхий деньми», непокорный, подставивший спину Европе, глядящий расширенным, воспаленным болезнями глазом в Сахару, зовущий к себе... не Тунис: Тимбукту; презирающий озеро Чад, где еще все кишит бегемотами.

Не велико расстояние от группы домишек до стен; мы легко пробежали воротами, влившись в дорожку бурнусов; и вправо, и влево от нас черно-белые росписи стен записали орнаментами; здесь черно-белые пестрят повсюду; а краски Туниса – зеленые, желтые, синие; там сплетаются линии в цветики, в дуги, в стебли; здесь – более шашечек; здесь и толпа – чернобелая вовсе; как флер, чернобелые пятна людей вместе с дугами, клетками, шашками стен полосатят глаза похоронно; вот черные, белые шашки на мощной дуге обращенных ворот; приглашающих в крытые «сукки» (базары); вот – черные, белые полосы под куполами мечетей; в Тунисе арабка закутана в снежени шелка; а здесь, в Кайруане, чернеют шелка на ней; всюду из белых бурнусов чернеет пятно залепетавшего негра (суданца), пропершего тысячи верст караванными трактами; караванные тракты отовсюду ведут в Тимбукту, посылая сынов Тимбукту, чтоб они чернобелыми пятнами зычно бродили под черной и белой росписью шашечек.

Много колонок, которые перетащили арабы с ближайших развалин; развалины – римские; римской колонкой обставлены; стены домов, все подъезды, ворота, балконы, которых так много, мечети; стена – безоконна над ними на два этажа; выше – купол; меж ним и стареющим надоконным карнизом зачем-то стоит колоннада, на выступе; и проветшала откуда-то сбоку опять капитель; и в лавченке, где дряхлый купец утонул в кайруанских коврах, и в кафе, и на дворике, где вы, просунувши нос, затерялись, – колонки, колоночки, более полутысячи их расступились рядами на мощном квадрате двора кайруанского храма; сто восемьдесят мечетей пылятся среди улиц; колончатые – все.

Вот – наполнена площадь верблюдами; сплющили нас, все – горбы; и – грифиные, гордые морды; кладу на одну свою руку; она – как отдернется; недовольна – чего еще доброго плюнет со злости; мы – прочь; и бежит, что-то крикнув на нас, недовольный хозяин верблюда; все стадо вскочило (верблюды лежали); и вот голенастые ноги зашлепали прочь на мозолях; и все потемнело от пыли; и мы – задыхаемся.

Славится город верблюдом; особое здесь воспитание он получает; становится он драчуном (бой верблюдов я видел уже); и верблюды пасутся среди жареных кактусов, где-то за городом; щиплют желтеющие корни когда-то здесь бывшей травы; и сухие колючки жуют; вечерами горбатыми стаями полнятся улочки; раз набежала на нас одна стая, затерлась десятком шерстяных боков об одежду мою; плыли тощие остовы, гордо возвысься горбами, на нас повернувши лениво мешки волосатых зобов; проходили линючие самки; висели клоки на протертых боках; пробежал верблюжонок, дрыгающий ножками с выпрренной мордочкой, жалко мигающей; прыгал подкидистый маленький горбик.

Прилавки лавченоч пестреют приятными пятнами, кожами; желтые туфли повсюду; и – лавочки, лавочки; это – базары; мы топчемся; долго ломают нам локти – бока, грудь и спину; суданец в синейных штанах чуть ее не сломал; и как все характерно: как мало Туниса!

Базары давно превратились в Стамбул – в плохие пассажи; в ряды; и в них запада нет; и восток – выдыхается; черный Каир переполнен базарами; но не ищите в Каире Египта; сирийский бурнус, ткань Кашмира, кавказский кинжал, испанская ваза, божок из Китая, коробочка скверных серых сигареток из нашей Одессы увидите вы на кайруанском базаре; и только не встретите вы одного: характерно кайруанского; в Иерусалиме базары пестры, но в изделиях нет благодства: Дамаск посылает товары свои; грубоваты они; в Кайруане базар – кайруанский; здесь

множество местных вещей; оттого провалились мы в них среди глянцев, курильниц, шерстей и шелков; я купил себе сельский бурнус, заплатив всего-навсего франков пятнадцать.

Наш друг проводник, по прозвищу «Мужество», весело так запахнувшись в свою гондуру, под стремительным солнцем пописывал дуги коричневым носом, ломаясь летучей тенью на желтых и белых стенах, исходя остроумием, кланяясь быстро с купцами, стреляя запасы знаний мне в ухо:

– «Вот видите – дом».

Мавританское здание с черной и белой росписью, с каменным малым балконом, которого крышу подперла типичная коринфская капитель.

– «Вижу дом».

– «Важный он...»

– «Чей?»

– «Живет здесь полковник»...

– «Какой?»

– «Да французский полковник; он – бывший полковник; в Париже живут его близкие; так у него целый дом»...

– «Да зачем же он здесь?..»

– «А он принял Ислам»...

И – надменно скрестив свои руки, наш «Мужество» смотрит на нас; на лице – торжество.

– «Почему же принял он Ислам?»

«Потому что он верит, что вера, которую мы исповедуем – правая».

– «Вот как?»

– «Прекрасной души человек: убежденный; его можно видеть в мечетях; его уважают у нас»...

Мы молчим, озираясь на дом:

– «Он женат на арабке; и дети его – мусульмане; каид – его чтит; население – любит его».

– «А вот этот вот дом» – мы киваем на дом с превосходной верандой, подпертой колонками; росписи в чашечку (черное с белым) – на арках, колонках, над дверью.

– «А здесь проживает каид»²².

И позднее с отцом его мы познакомились; он из фамилии чтимой весьма: Джалюли. Его дядя есть байский министр, – что ли Витте Тунисии.

– «Я покажу, как здесь делают коврики»...

– «А?»

– «Вы хотите?»

Мы кружим в сплошных закоулках; араб бьет в кольцо перед дверью; за дверью же женский, приятный, совсем не испуганный голос; переговоры; и – дверь открывается; прячется кто-то за дверью:

---

²² Губернатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания